

СТ. ЕКАТЕРИНБУРГЪИ.

В. П. АНИЧКОВ

видный деятель Белого движения на Урале
и в Сибири

ЕКАТЕРИНБУРГ

1917

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦА
РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1922

— ВЛАДИВОСТОК

Владимир Аничков

**Екатеринбург – Владивосток.
Свидетельства очевидца
революции и гражданской
войны. 1917-1922**

«Центрполиграф»

1934

УДК 94(47).084.2
ББК 63.3(2)6

Аничков В. П.

Екатеринбург – Владивосток. Свидетельства очевидца революции и гражданской войны. 1917-1922 / В. П. Аничков — «Центрполиграф», 1934

ISBN 978-5-227-10275-1

Владимир Петрович Аничков — русский банкир и предприниматель, долгое время возглавлял отделение Волжско-Камского банка и вследствие этого оказался в самом центре февральских и последующих событий на Урале и в Сибири. Вскоре после революции Аничков вошел в состав Комитета общественной безопасности. В своей книге автор рассказывает, как он пережил красный террор в окрестностях города Екатеринбурга. После прихода к власти большевиков и национализации банков Аничков был арестован и позже бежал. Работал в Министерстве финансов правительства Колчака. Произведение полно живых наблюдений и редких деталей. Повествование о событиях и исторических персонажах, которые не выдуманы, а абсолютно реальны, читается, без преувеличения, как приключенческий роман. Атмосфера того времени передана великолепно, а имена знакомы каждому, кто интересуется историей Отечества: ссыльные князя Сергей Михайлович, Константин и Игорь Константиновичи Романовы, следователь по убийству царской семьи Николай Соколов, камердинер императора Николая II Терентий Чемодуров и вереница современников, затянутых в круговорот революционного переворота... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).084.2
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-227-10275-1

© Аничков В. П., 1934
© Центрполиграф, 1934

Содержание

Часть первая	8
Первый день	8
Комитет общественной безопасности	15
Работа Исполкома	17
Праздник русской революции	20
Крестьяне и рабочие	22
Милиция и армия	25
Реформа правописания	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Петрович Аничков Екатеринбург – Владивосток. Свидетельства очевидца революции и гражданской войны. 1917— 1922

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

© «Центрполиграф», 2023

Часть первая Революция

Первый день

Екатеринбург, 1917 год

Пока мы вели переговоры с губернатором, вести о происходящих в Петрограде событиях облетели весь город, и вечером 4 марта в Думе вместо назначенного заседания гласных образовался митинг совершенно неизвестных нам людей, среди коих много было и солдат. Откуда только взялись эти подпольные ораторы?..

Трудно припомнить и передать, что именно говорилось на том многолюдном митинге, где слово брали ни перед кем не ответственные люди. Почти все они отличались недюжинными ораторскими способностями, большой наглостью и самым беззастенчивым отношением к подтасовке фактов и цифр. Словом, началось повторение того же безобразия, которое так поразило меня в революции 1905 года. Государя иначе как «Николай Кровавый» никто не называл. Народу было так много, что городской голова предложил присутствующим перейти для развития прений в зал музыкального училища. Дышать было нечем. Нашлась масса ораторов. Что говорили они, передать трудно.

Мне, в качестве гласного, тоже пришлось выступать. Когда дали слово, в моей голове не было ни единой мысли. Я говорил в состоянии, похожем на сомнамбулический сон. Судя по громким и долгим аплодисментам, выступал я недурно и неглупо, и меня терпеливо слушали. Главной темой моего потока красноречия было уверение, что рано еще радоваться наступившей революции. Если в настоящее время революционные завоевания настолько велики, что нет непосредственного опасения возврата к прошлому, то вся трудность переживаемого момента заключается в том, чтобы указать путь, по которому следует идти в дальнейшем. Этот путь я вижу в самоочищении от всяких скверных помыслов, в полном отречении от личных благ и в дружном направлении всех сил к одной цели – победе над врагом Родины. Неужели, говорил я, с наших рук сорваны оковы только для того, чтобы драться друг с другом? Нет, эти руки отныне свободны только для того, чтобы слиться в братских объятиях.

Не знаю, чем кончился этот митинг, ибо я покинул его часов в одиннадцать. Помню только, что особый успех выпал на долю некой Завьяловой, вероятно, потому, что это было первое робкое выступление женщины на местной политической арене. Впоследствии Завьялова играла большую роль в Екатеринбурге, в профессиональных союзах и Комиссариате обще-

ственного призрения, где она, будучи гражданской женой комиссара Сосновского, тоже занимала должность комиссара.

На другой день вечером было решено устроить собрание Думы в целях избрания комиссара с полномочиями, равными губернаторским. Но думский зал оказался захваченным толпой. Гласные собрались в комнате, где обычно шла работа всевозможных комиссий. Городской голова, надев цепь, открыл заседание. Я запротестовал. Ко мне присоединился Кванин, а за ним и другие гласные, и мы потребовали очистить зал от непрошенных гостей. Однако городской голова колебался и, видимо, боялся исполнить наше требование. Не знаю, чем бы это кончилось, но его выручил случай. К нам вошел какой-то субъект и от имени демократического собрания заявил, что митинг закончен и постановлено образовать Комитет общественной безопасности. В комитет должно быть выбрано десять членов от демократии, столько же от солдат и офицеров, и таковое же число мест решено предоставить гласным по избранию Думы.

Выдвинутое кем-то предложение о выборе только трех депутатов отвергли и приняли мое предложение о заполнении всех десяти вакансий.

Мы перешли в думский зал заседаний.

Здесь единогласно было решено, что никто из гласных не имеет права отказываться от избрания на ту или другую должность. После этого приступили к выбору в состав Комитета общественной безопасности десяти гласных.

Выбраны были: Ардашев, Кенигсон, Замятин, Соколов, Питерский, Доброскок, Давыдов, Ипатьев, Степанов и я.

После выборов начались прения по наказу выбранным, причем к ним были допущены избранные демократическим собранием двадцать человек. Эти прения приняли страстный характер, особенно после выступления железнодорожника Толстоуха, воскликнувшего:

– Если вы не согласны с нами, то на поддержку демократии выступит весь 126-й полк.

Блестяще ответил ему Давыдов.

– Пусть не только полк, – во весь голос когда-то оперного певца кричал он, – а пусть весь гарнизон пожалует сюда, чтобы штыками заткнуть мне глотку. Но и тогда, пока хватит сил, я все же буду говорить...

Но тут речь его была прервана входящей депутацией 126-го полка в полном составе во главе с полковником Богдановым. Торжественно-медленно продвигалась депутация. Остановившись перед городской головой, полковник заявил, что весь полк передает себя в распоряжение городского головы как представителя городского самоуправления и нового правительства. Эти слова были покрыты несмолкаемыми и дружными аплодисментами. Минута была не только трогательная, но и внушительно-торжественная. Вслед явились депутации 149-го и 124-го полков.

Заседание закончилось командировкой представителей вновь организованного Комитета общественной безопасности на большой митинг, собравшийся в Городском театре. Выбрали всего троих: от военных – прапорщика Воробьева, от демократической группы – Пиджакова, а от думской группы выбор пал на меня.

Театр был настолько переполнен, что мы с большим трудом пробрались на сцену.

Перед нашими глазами представилась никогда еще не виданная картина... Театр переполнен народом так, что становилось страшно. Казалось, не миновать катастрофы. Это было почти сплошное море солдатских шинелей с небольшими крапинками женского элемента и штатских граждан. Шум стоял невообразимый, все что-то кричали, и из общего гула многотысячной толпы явственно долетали слова: «Арестовать, арестовать, арестовать...».

Особенно запомнилась мне мощная фигура очень тучного лысого солдата, чей бас покрывал весь хор. И, как бы в пандан к нему, на барьере одной из лож бенуара стоял тоненький, маленького роста человек, судя по бритому лицу – актер (что потом и выяснилось). Неве-

роятно визгливым тенором, жестикулируя руками, с какой-то особой злобой и упоением он выкрикивал все те же слова: «Арестовать, арестовать...».

Направо от меня, на сцене, впереди всех, стоял какой-то вдребезги пьяный прапорщик с солдатским Георгием и размахивал вынутой из ножен шашкой, как бы дирижируя ею перед обезумевшей толпой. Он кричал: «Губернатора, полковых командиров, жандармов – арестовать! Занять почту, телеграф, телефон и вокзал...».

Приехавший со мной прапорщик Воробьев смело подошел к нему:

– Вы пьяны, прапорщик, извольте вложить шашку в ножны, иначе я вас арестую.

– А вы кто такой, как смеете?.. – уже постепенно робеющим тоном возражал пьяный прапор.

– Я член Комитета общественной безопасности, и вы обязаны подчиняться мне. Слышите, что я вам говорю?..

Храбрый прапорщик, как ни был пьян, все же опустил шашку и как-то бочком скрылся в толпе. Эта нелепая сцена привлекла внимание театра. Все как-то сразу стихло. Воспользовавшись наступившей тишиной, Пиджаков объявил, что мы, члены Комитета, к которому отныне перешла вся революционная власть, и командированы сюда, чтобы об этом объявить народу.

Его слова были встречены криками «браво!» и дружными аплодисментами.

Беспокойного артиста, все еще выкрикивающего слова об аресте, Пиджаков попросил пройти на сцену.

– Всех арестовать, – прокричал артист напоследок, – губернатора, архиерея, полицмейстера!

– Вы кончили? – спросил я.

– Да, кончил.

– Граждане, успокойтесь! – обратился я к толпе. – Если кого надо будет арестовать, то это сделает Комитет общественной безопасности. Никаких самочинных поступков мы не допустим. Что же касается губернатора, то арестовывать нам его не придется, ибо, пока мы митинговали, он выехал с поездом в Пермь, где ему, очевидно, не избежать ареста от своих же пермяков. Архиерей же пусть служит молебны. Он никому не мешает, и ставить ему в вину характер его проповедей вряд ли будет справедливо, так как ныне не только архиерей, но и всякий гражданин пользуется свободой слова...

Толпа молчала, как бы разочарованная в том, что ей так никого арестовать и не придется.

В это время к толпе обратился с речью городской голова, только что приехавший из Думы.

Он начал рассказывать о торжественном заседании Думы и о признании себя единственной законной властью всеми депутациями местных полков.

– Обухов – вор! – закричал кто-то. – Долой его! Какая ему, вору, власть!

Толпа заулюкала, и городской голова скрылся за кулисами.

Не знаю, что было дальше. Меня попросили немедленно перейти в буфетную комнату для обсуждения вопросов, связанных с образованием Комитета.

Едва мы, выбранные от Думы, вошли в узкую и длинную комнату буфета, как Пиджаков объявил заседание открытым, а Толстоух, отрекомендовавшись украинским хлеборобом, отдал приказ немедленно вызвать всех ротных 126-го полка. Не прошло и десяти минут, как в комнату вошли шестнадцать офицеров в походной форме и шинелях, с револьверами за поясом и шашками наголо и, встав против нас в четыре шеренги, совершенно изолировали нас от входа.

Еще раз подтвердив, что заседание объявлено тайным и что каждый, кто не согласится с его решением, будет убит на месте, самочинный председатель предложил собранию немедленно произвести аресты всех власть имущих, не исключая полковых командиров и штаба бригады, а затем занять караулами вокзал, почту и телеграф.

Инженер Бабыкин, оказавшийся здесь, сказал, что к вокзалу нужно подходить с большой осторожностью, ибо может случиться катастрофа.

Кенигсон попросил слова и начал указывать на полную бесполезность неорганизованных выступлений.

В ответ на это председатель предложил лишить слова всех присутствующих представителей буржуазной думы как жалких трусов.

Все возмутилось во мне от этого наглого предложения. Сердце болезненно сжалось, голова начала кружиться, я был близок к обмороку. Помню только бледное, грустное лицо Давыдова, очевидно, тоже близкого к обморочному состоянию.

Я сорвался с места и бешено накинулся на председателя:

– Мы – трусы? Нет, трусы и позорные трусы, – вы! Вам надо всех арестовать, ибо вы боитесь за собственную шкуру, за темное прошлое, видя во всех и везде контрреволюцию. Да какой вы председатель, кто вас выбрал, как смеете вы объявлять заседание тайным и выносить резолюцию о лишении нас слова? Я заявляю, что не признаю вас председателем и не желаю оставаться в этом заседании, а потому выхожу немедленно, – и с этими словами двинулся к выходу.

Стоявший рядом Питерский шепнул мне: «Смотрите, офицерам не приказано никого выпускать отсюда живыми». Но я шел прямо на офицерские шеренги, которые расступились предо мной и шедшими вслед за мной гласными. И никто из офицеров не только не замахнулся пашкой, но и не проявил ни малейшего намерения к нашему задержанию.

Совершенно не сговариваясь, мы очутились в клубе.

Отлично помню, как, войдя в зал клуба, я был поражен присутствием массы клубной публики, спокойно игравшей в лото.

Знакомая картина... Какой нелепой представилась она мне в этот момент! Как, думалось мне, в России революция, только что я был в опасности, меня могли убить, да и не одного меня... Нет сомнения, что в эту ночь будут произведены аресты как нас, выбранных в Комитет гласных, так и всей администрации и полковых командиров. Возможно, эти аресты не пройдут вполне благополучно и не обойдутся без человеческой крови. А публика мирно играет в дурацкую игру. Нет, от этой публики не жди поддержки, не жди спасения, в ней наша гибель. И злое чувство закралось в мою взволнованную душу. О, как хотелось взять хлыст и перебить всю эту ожиревшую, глупую и развращенную публику! Ничего, пусть играют, доберутся революционеры и до их толстой шкуры. И поделом, злорадствовал я.

Мои мысли были прерваны подошедшими ко мне Чистосердовым и Кролем.

– Необходимо сейчас же приняться за рассылку повесток представителям всех организаций с просьбой завтра к вечеру прислать в Думу делегатов на организационное собрание Комитета общественной безопасности. Впрочем, об этом поговорим отдельно. Идемте в библиотеку, там, вопреки обычаям клуба, нам накрыт ужин. Необходимо прочно и основательно сговориться.

Я пошел в библиотеку, где застал за столом всех думцев, приехавших с тайного собрания в театр.

Нельзя сказать, чтобы настроение было веселое.

Кажется, Кенигсон заговорил первым.

– Нет сомнения, господа, что компания, от которой мы уехали, сегодня ночью начнет производить намеченные аресты. Конечно, дабы гарантировать себе личную безопасность, этим господам придется, прежде всего, арестовать не согласных с ними.

– Да, – сказал всегда молчаливый Соколов, – а уж вас, Владимир Петрович, первого схватят. Ну и отделали вы их! Только не советую я вам в будущем выступать с такими речами. Я все думал, что вас хватит кондрашка. Сперва вы сделались бледнее полотна, а когда вскочили, были красным, как кумач.

– Что же делать? – спрашивали все. – Нужно ли предупредить командиров полков о грозящей опасности?

– Пожалуй, это будет истолковано как донос.

– Совершенно верно, – подтвердил Давыдов. – Если мы их предупредим, то все равно от ареста не спасем, поскольку против них идет офицерство. А вот себя в корне дискредитируем...

– Молчать и ждать спокойно событий?..

На этом и порешили. Так велики и сильны были традиционные понятия о рыцарской чести, проводимые в общество дворянством. И как надсмеялись потом над этим благородством переоценившие все ценности коммунисты...

К нашей компании присоединился Л.А. Кроль и начал развивать мысль, уже переданную мне, о необходимости сконструировать заново Комитет общественной безопасности путем приглашения как можно большего числа представителей всевозможных организаций и тогда уже приступить к выборам, а эти аннулировать. По всему было видно, что он хочет взять вожжи революции в свои руки и попасть в председатели Комитета. Каждый из нас с большим удовольствием переуступил бы право своего избрания, и мысль Кроля по существу была правильная. Этим способом можно было, хотя бы на время, приблизить к управлению более или менее умеренные элементы, откинув большинство крайне левых. И предложение его было принято единогласно. Все мы тотчас после ужина принялись за составление списка организаций и редактирование повесток.

Все старались подольше засидеться в клубе, ибо перспектива быть арестованным по возвращении домой ничего хорошего не предвещала.

Но прошло время, клуб начал пустеть, и волей-неволей пришлось возвращаться домой.

Как хорошо, думал я, что жена и Наташа уехали в Петроград. По крайней мере, некому будет волноваться, если меня арестуют и даже пристрелят. Вот, если, спаси Господи, ранят, – а живым в руки я решил не даваться, – что тогда?..

С этими невеселыми мыслями подъехал я к своей квартире, расположенной над банком.

Во флигеле был виден огонь. Значит, полковник Тимченко, командир Сто сорок девятого полка, еще не спит. А, быть может, он уже арестован?

Когда я очутился один в своей спальне, страх напал на меня, и вместе со страхом все сильнее начал мучить вопрос: что с Тимченко?

Пойду поговорю с ним по телефону. Ну, а если телефонная станция уже в руках революционеров? Тогда сейчас же узнают, что я хотел говорить с Тимченко, дабы передать ему постановление тайного совещания. Однако какое же это совещание, когда я сам не признал ни председателя, ни его постановлений?

Ободренный этой мыслью, я подошел к телефону:

– Это вы, Владимир Ильич?

– Я. А это вы, Владимир Петрович? Я не сплю и все поджидаю вас. Можно к вам прийти?

– Прошу, но только не звоните, я сам открою вам дверь.

Как ни старался я не шуметь, чтобы прислуга не узнала о моем ночном свидании с Тимченко, но все же, когда я спускался по парадной лестнице, наверху появилась наша старшая горничная, крайне любопытная старая дева.

– Варя, вам что?

– Да я слышу, что кто-то ходит.

– Вы мне не нужны, идите спать.

Верхняя дверь осталась приоткрытой, но я чувствовал, что Варя подслушивает, почему и начал, топя ногами, подниматься вверх. Когда дверь плотно закрылась, я вновь спустился вниз и, открыв дверь, впустил полковника. Мы прошли в кабинет.

– Рассказывайте, Бога ради, что произошло. Я всю ночь поджидал вас.

Я по секрету передал ему все, что знал.

– Да, положение... – сказал Тимченко. – Живым им в руки я не дамся.

– Что же вы думаете делать, полковник?

– Думаю вызвать к себе караул.

– Но тогда узнают, что я вам все передал и выдал эту шпану. Нет, я прошу вас этого не делать. Лучше будем выжидать. Ворота наши крепкие, и, если в них будут ломиться, бегите ко мне, и мы вместе удерем или через банк, или через сад.

Мое предложение было принято, и мы расстались.

* * *

Полковник Владимир Иванович Тимченко за неудачные бои перебитого полка был возвращен в тыл и принял командование 149-м полком, стоящим в Екатеринбурге.

Это был славный малый, любящий общество, женщин, вино и карты. Последними он особенно увлекался, крупно играя в железку. В то время ему везло: выиграв около 140 тысяч рублей, он держал их на текущем счете в нашем банке.

Каждый раз, внося в банк деньги, он заходил в мой кабинет и, остановившись в дверях, рапортовал:

– Имею честь доложить вашему превосходительству, что вчера произошло жаркое сражение, в результате коего я вышел победителем и присоединил к моему капиталу еще семь тысяч рублей.

– Ох, полковник, бросьте играть! Выиграли и выиграли, на всю жизнь хватит. Ведь одних процентов будете получать более шести тысяч, а если к ним прибавить ваше жалованье или пенсию, так вы на всю жизнь останетесь обеспеченным человеком. А то смотрите – продуетесь. А что вы продуетесь, если вы не шулер, как про вас, конечно, говорят, – я готов отдать мою голову на отсечение.

– Ну вот, а я вам докажу, что и не шулера выигрывают, и непременно послушаю вашего совета, когда сумма моего выигрыша достигнет трехсот тысяч рублей. Вот тогда можно и отдохнуть: по тысяче рублей в месяц для меня будет вполне достаточно.

– Поживем – увидим.

– А кто вам говорил, что я шулер?

– Решительно никто.

– Откуда же вы взяли такое пикантное словечко?

– Эх, полковник, ведь я тоже когда-то поигрывал и определенно знаю, что как только кто-нибудь начинает сильно выигрывать, то сейчас же про него начинают говорить, что он шулер.

– Это правильно. Ну да черт с ними, пусть говорят. Моя совесть чиста, да и капитал будет цел.

* * *

Тяжела была эта ночь. Я долго не мог уснуть, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому шуму на улице. В эту ночь после двухлетнего поста я вновь закурил. Действие первой папироски было настолько сильно, что я думал, у меня лопнет сердце. Спас я себя тем, что понюхал валерьянки. Вскоре она подействовала, и я уснул тревожным сном.

На другой день, как только встал, я отправился в Думу, где застал почти всех членов Комитета. Решено было вопрос о конструировании отложить до завтра, так как вечером назначено было большое собрание представителей всевозможных организаций с той же целью.

Председателем временно выбрали Давыдова. Затем приступили к обсуждению внесенного левыми вопроса о немедленном аресте уполномоченного и жандармских офицеров.

Губернатор действительно успел уехать в Пермь вечерним поездом. Вопрос был поставлен на открытую баллотировку. Все левые, с которых начал голосование Давыдов, высказались против ареста военных начальников. Правые выгораживали генерала Форт-Венглера. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что голосую за домашний арест генералов Форт-Венглера, Нецветаева и всех жандармских офицеров. Однако необходимость их ареста вижу не в том, что они могут представлять опасность своими контрреволюционными действиями, а в том, что, судя по настроению верх-исетских рабочих и нашей уличной толпы, опасаясь за жизнь этих людей. И поэтому предлагаю подвергнуть их домашнему аресту, выставив усиленную охрану. Что же касается ареста архиерея, то, с моей точки зрения, ему никакая опасность не угрожает, отчего против его ареста я протестую.

– Помните, господа, что если религия не нужна многим здесь присутствующим, то огромной массе народа, а особенно женщинам, она все же необходима. Поэтому к решению таких вопросов нужно приступать с сугубой осторожностью.

Левые не согласились и настаивали на аресте архиерея. Тогда я предложил послать к нему депутата с твердым приказом не выходить из дому, совершая богослужения в церкви. С таким же предложением было решено обратиться и к настоятельнице женского монастыря. Эта миссия была возложена на Давыдова. Аресты остальных лиц были возложены на капитана Захарова.

Затем мы, гласные, собрались у Ардашева и выбрали трех комиссаров: Ардашева, Питерского и Кенигсона. Я же наотрез отказался выставлять свою кандидатуру, решив возможно пассивнее держаться в Комитете общественной безопасности, избегая принимать на себя сколько-нибудь выдающиеся назначения.

Комитет общественной безопасности

Вечером того же дня в Думе состоялось многолюдное, более пятисот человек, собрание в целях организации Комитета общественной безопасности. После незначительных прений, кого избрать председателем, сошлись на имени Л.А. Кроля.

Признаюсь, избрание это было для меня тяжело. Неужели, думалось мне, мы не могли выбрать в председатели первого революционного органа, к которому переходила вся власть, русского человека? Чем можно это объяснить, как не особой застенчивостью нашей нации?.. Ведь никто из нас не позволил себе самолично выставить свою кандидатуру, как сделал это Кроль, прося многих о своем избрании.

По нашим традиционным русским понятиям, если и выдвигалась друзьями та или иная кандидатура, то избираемый никогда не осмелился бы положить за себя шар. Отброс этой традиции, начиная с революционных недель, повлек к засилью евреев во всех революционных учреждениях, что, несомненно, имело впоследствии огромное влияние на ход революционных событий.

Но надо отдать должное Кролю. Он оказался великолепным председателем, справляясь с собранием, которое было и многолюдно, и разношерстно, и протекало в чрезвычайно нервной обстановке.

Решено было образовать Комитет общественной безопасности, членами которого вошли представители всех организаций, по два человека от каждой. Общее число депутатов составило шестьсот. Этот многолюдный Комитет принял на себя функции парламента всего Урала. Председателем Комитета был избран Кроль, товарищами его – прапорщик Бегишев и секретарь Думы Чистосердов. Все трое по убеждениям были близки к партии кадетов. Затем была избрана Исполнительная комиссия, в которую включили тридцать человек от думы, Демократического собрания и военных.

Вот уж, думал я, права пословица: человек предполагает, а Бог располагает. Ведь не хотел же я играть активной роли, а попал, что называется, в самую кашу. Но отказываться было неудобно, и я решил сделать это через несколько дней при первом удобном случае.

Выбрав нас, собрание выразило пожелание, чтобы каждый из выбранных представился собранию по отдельности.

На меня этот процесс представления произвел тягостное впечатление. Особенно тягостно было называть себя не дворянином, а гражданином Владимиром Петровичем Аничковым.

На этом собрании произошел следующий инцидент. Представители левых и солдат начали требовать увеличения числа мест для своих кандидатов. Особенно резко выступал все тот же Толстоух и, дабы произвести большее впечатление, заявил, что Дума окружена войсками и нас скоро всех перебьют.

Впечатление действительно было сильное. Все растерялись и примолкли.

Как раз в это время в зал, быстро расталкивая толпу, вошел инженер-путеец Бобыкин с протянутой вперед рукой и с вытянутым указательным пальцем. Он обежал быстрым взглядом зал и, остановив свой палец на Толстоухе, закричал:

– Граждане, заявляю вам от имени железнодорожников, что перед вами провокатор! Проверьте его мандат – он у него подложный.

Едва он успел это проговорить, как в другую дверь вошло трое членов Комитета, заявив, что войска вызывались по телефону тем же Толстоухом.

Поднялся невообразимый крик. Я думал, что его разорвут, но председатель не растерялся и властным жестом призвал собрание к молчанию.

– Я предоставляю вам слово, господин Толстоух. Что скажете вы в свое оправдание против возводимых на вас тяжких обвинений?

Толстоух что-то пробурчал и смолк.

– Вы молчите... В таком случае потрудитесь покинуть зал. А вы, господа члены Следственной комиссии, потрудитесь сейчас же разобраться в этом деле и проверьте мандат.

Через каких-нибудь двадцать минут члены Следственной комиссии подтвердили, как подделку мандата, так и то обстоятельство, что Толстоух по телефону вызывал Сто двадцать шестой полк.

– Гражданин Толстоух, вы свободны, – заявил председатель, – можете уходить. О вашем поступке будет немедленно доведено до сведения ваших сослуживцев по станции Екатеринбург-Второй.

Чего добивался Толстоух, так и осталось тайной не только для Комитета, но и для меня, несмотря на то что впоследствии мне пришлось беседовать с ним в качестве товарища председателя Исполнительной комиссии. Он обратился ко мне с просьбой дать ему какое-либо место, ибо он по суду товарищей был отстранен от службы на железной дороге.

Тотчас после собрания, пользуясь тем, что все левые отправились на митинг и остался лишь латыш Лепа, Ардашев собрал членов Исполнительной комиссии и обратился к ним с просьбой освободить генерала Форт-Венглера. Когда очередь баллотировки дошла до меня, я заявил протест, как против способа созыва собрания, так и против самой баллотировки.

– Вы отлично знаете настроение левых и, воспользовавшись их случайным отсутствием, искусственно подбираете себе большинство.

Вопрос провалился.

– Что вы имеете против генерала? – спросил меня Ардашев.

– Ровно ничего. Но способ решения такого вопроса поведет к подрыву доверия к нам левых, и те потребуют замены домашнего ареста тюрьмой.

Работа Исполкома

На другой день вся Исполнительная комиссия в полном составе собралась в думском зале и приступила к организационным работам. Выборы председателя прошли довольно быстро. После представления двух кандидатов, выставленных думцами, прошел Аркадий Анатольевич Кашеев – присяжный поверенный, в возрасте около тридцати лет, по убеждениям эсер. Товарищем председателя выбрали рабочего-коммуниста Парамонова. Оба прошли восемнадцатью голосами против одиннадцати. Большие разногласия вызвала баллотировка второго товарища председателя. Это место решено было предоставить одному из думцев. Кандидаты, выставленные нами: Давыдов, Ардашев, Ипатьев и Кенигсон, – неизменно получали девять белых шаров и двадцать черных. Наконец левые заявили, что их блок с военными депутатами приемлет единственного кандидата – меня. Я же от баллотировки все время отказывался.

После этого заявления, после долгих уговоров, пришлось дать свое согласие, и я был выбран. Результаты выборов привели комиссию к заключению, в силу которого мне было предоставлено занять должность первого товарища председателя, а Парамонов занял должность второго товарища председателя. Таким образом, в президиум попали социалист, правый и коммунист. Это обстоятельство лишило меня возможности подать в отставку: при моем уходе на мою должность попал бы следовавший за мной анархист Жебунев, что было для всех думцев, да и для эсеров, нежелательно.

В секретари были избраны Жебунев и прапорщик Воробьев, социалист правого толка.

Тотчас после окончания выборов пришлось открыть прием просителей. Подавались заявления о совершенных кражах, просьбы о выдаче паспортов, жалобы на побои мужа, протоколы о продаже вина и водки, бесконечные жалобы хозяев домов на квартирантов и обратно – квартирантов на хозяев. Была просьба о разрешении вырыть покойника для перенесения его в другую могилу.

Но особенно запомнилось мне настойчивое заявление врача Упорова от имени проституток о том, что они, как свободные гражданки, не желают подвергать себя больше врачебному осмотру.

Из дальнейших объяснений выяснилось, что в домах терпимости в сутки на проститутку в среднем приходится шестьдесят посещений. Около этих домов ждет очереди бесконечная вереница солдат, подобно тому, как ждут очереди при раздаче сахара по карточкам.

– Доктор, – пробовал я возражать, – нисколько не сомневаюсь, что все это важные вопросы. Но особенно удивляюсь, что проститутки центральным вопросом выставляют врачебный осмотр, а вопрос о непосильной работе даже не затрагивают. Я бы признал спешность поднятия этого вопроса. Вот если бы вопрос сводился к уменьшению числа посетителей... А с вопросом осмотра, который делается раз в неделю, можно бы и подождать.

– Как кричат товарищи, проститутка не скотина какая-нибудь, а свободная гражданка. А вы настаиваете на продолжении осмотра...

– Да я не настаиваю... Но решение этого вопроса требует обстоятельного доклада и осмотрительного решения. Поэтому я и предлагаю образовать комиссию, чтобы ознакомиться с этим делом.

Слава Богу, уговорил.

Тюрьму трясло, арестантов было нечем кормить. Для разрешения этого вопроса была выбрана комиссия во главе с Ардашевым.

Больше всего «товарищей» волновала успешность арестов жандармских офицеров. Они то и дело бегали к телефону и сносились с теми, кто присутствовал при обысках и арестах, выпрашивая у меня и Кашеева мандаты на дальнейшие действия.

– Да что вы так волнуетесь и уделяете столько времени такому пустому делу? Старый строй прогнил и рухнул, контрреволюция, несомненно, придет, но не сейчас, конечно, – для этого потребуется немало времени... Убежать и спрятаться жандармам абсолютно некуда. Более чем уверен, что, если по телефону я предложу им явиться в Думу, они немедленно явятся, даже если будут знать, что их арестуют.

Как будто в подтверждение моих слов раздался звонок по телефону. Кто-то из «товарищей» подошел к аппарату и вернулся сконфуженным.

– В чем дело? – спросил его я.

– Да звонил жандармский ротмистр. Он удивлен, что до сего времени его еще не арестовали, и относит эту оплошность к перемене местожительства.

– Ну что, не прав я?

Молчание...

Впоследствии я понял причину беспокойства «товарищей». Не аресты жандармов здесь играли роль, а желание выкрасть у них компрометирующие «товарищей» документы. Многие из «товарищей» находились ранее на службе у жандармов...

Боже, какой шум подняли «товарищи», когда узнали, что при местной почтовой конторе существует черный кабинет, в котором идет перлюстрация писем. Несчастливого управляющего конторой чуть не избили и не посадили в тюрьму.

Особенно много пришлось мне возиться с полковником Стрельниковым. Он, помимо должности железнодорожного жандарма, занимал еще должность военного цензора. Только благодаря этому обстоятельству удалось освободить его из-под ареста.

Дело было поручено мне, и я удивлялся сложности и в то же время бесполезности цензорской работы. Так, например, у Стрельникова оказался огромный список немецких шпионов, и не только никаких попыток к их поимке не делалось, но даже не сличали адреса получаемых писем. Служащими, главным образом женщинами, прочитывались десятки тысяч писем. Подозрительные передавались полковнику; что же касается писем, идущих на фронт, то их совсем не читали. Оказалось, что ни одного шпиона Стрельников не открыл.

Его удалось освободить еще до окончания следствия и доклада Комитету. Это произошло так: во время заседания в нашем парламенте жена Стрельникова, довольно красивая женщина, произнесла горячую речь в защиту своего супруга. Это незаконное выступление так подействовало на депутатов, что они, подкупленные и красотой, и слезами просительницы, освободили Стрельникова от следствия.

Вообще же работы на мою долю выпало много. Мне пришлось совсем забросить банк. Я начинал работу в Комиссии в девять часов утра и просиживал там до четырех часов, а затем вечером – с семи до десяти. В дни заседания парламента задерживался и до часу ночи.

Не стану утруждать читателя подробностями этой работы, опишу лишь наиболее интересные моменты.

В то время огромное большинство русского народа радовалось отречению Императора от престола. По крайней мере, я не встречал человека, который бы нашел в себе мужество не приветствовать этого акта. Несколько иначе относились к отречению Михаила Александровича. Об этом многие сожалели, особенно военные, ибо без Императора на их глазах разрушалась армия. Большинство военных не верило в возможность победы над врагом. Уже в то время я не был ярким монархистом и не придавал факту отречения особого значения. Я верил в возможность существования России и при республиканском строе.

Особенно запомнилось мне одно заседание нашей Комиссии, которое Кашеев объявил тайным. Мы все насторожились. Торжественно читается телеграмма за подписью Совета солдатских и рабочих депутатов из Петрограда, о существовании которого я впервые узнал из этого сообщения. Она гласила: «Бывший император Николай собирается бежать. Примите меры к его задержанию».

«Товарищи» переполошились, на них лица не было. Они предлагали сейчас же выставить усиленный контроль над проезжающими пассажирами и просили немедленно назначить чуть ли не целый батальон солдат на охрану вокзала.

На меня эта телеграмма тоже произвела сильное впечатление, и в эти минуты я впервые задал себе вопрос: «А что, если Император действительно бежит и на мою долю выпадет открытие места его пребывания?.. Выдам ли я его или нет?» И я должен был сознаться самому себе, что не только не выдал бы, но даже, несмотря на явную опасность, помог бы ему спрятаться.

*Так, храм оставленный все ж храм,
Кумир низверженный все ж Бог.*

Я попросил слова.

– Позвольте узнать, – спросил я Кашеева, – почему вы объявили заседание тайным? Вдумайтесь в смысл этой телеграммы. Вы найдете ее провокаторской, посланной с целью произвести тревогу среди населения, особенно среди солдат, которые действительно с часу на час все более теряют воинский облик и представляют из себя какое-то недисциплинированное стадо. Согласитесь, господа, если солдатские депутаты узнали, что Государь хочет бежать, так они должны принять меры к пресечению бегства, а не рассылать глупые телеграммы.

Нужно ответить телеграммой: «Советуем усилить надзор». А самое лучшее посмеемся над этой телеграммой и, сдав ее в архив, будем знать наперед, как относиться к Совету солдатских депутатов. Господа, из кого состоит это учреждение? Общая масса солдат никогда не стояла на столь низком уровне развития, как теперь. С одной стороны, все, что мало-мальски было похоже на культуру, ушло из этой массы в офицерский состав. В прапорщики производили не только парикмахеров, но даже лакеев. С другой стороны, квалифицированные рабочие изъяты из войск и работают на фабриках. Кто же там остался? Только безграмотные элементы, о чем столь ярко свидетельствует эта телеграмма.

– Господин председатель, я требую немедленного предания гражданина Аничкова суду революционного трибунала за оскорбление армии! – закричал «товарищ» Малышев.

Но Кашеев заступился за меня и заявил, что в высказанном Аничковым анализе состава Совета солдатских депутатов, а равно и во мнении о телеграмме он не слышал оскорблений. Как председатель, он согласен с тем, что телеграмма действительно или провокация, или плод нездорового мышления, а потому предлагает сдать ее в архив и никакого значения ей не придавать.

Тем этот инцидент и закончился.

Праздник русской революции

Екатеринбург, 10 марта 1917 года

Комитет общественной безопасности постановил устроить праздник в честь русской революции. Праздник был назначен на 10 марта. Особенно ревностно отнеслись к этому делу наши «товарищи». Одно только обсуждение знаков отличия для членов Исполнительной комиссии заняло около полутора часов. В результате на моей руке появился большой красный бант. Комиссией были обсуждены даже размеры этого украшения в зависимости от занимаемой должности. Как ни был мне противен этот бант, а все же пришлось носить его на левой руке. Вечера три ушло на обсуждение программы праздника, главным распорядителем которого избрали Н.Н. Ипатьева. Подготавливали грандиозное шествие, вырабатывались слова приветствия.

Наконец настало 10 марта.

Шествие началось в девять часов утра от тюрьмы. В первой колонне шла вся Исполнительная комиссия во главе с Кашеевым. Дойдя до красиво задрапированной кумачом трибуны, поставленной на Соборной площади, мы заняли заранее установленные места. Кроль имел такт удержаться от активной роли и передал ее прапорщику Бегишеву, который совместно с Кашеевым приветствовал проходящие мимо трибуны части войск и представителей организаций. Первое место, конечно, отвели войскам. Их была масса, около шестидесяти тысяч человек. Впереди всех на белых конях ехали бригадный и его помощник. Молодецки отсалютовав нам шашкой, полковник Карабан вместе с полковником Мароховцом завернули своих коней и стали с левой стороны трибуны. Войска проходили мимо, салютуя нам. Председатель приветствовал каждую колонну войск, каждое училище или отдельную часть восклицаниями: «Да здравствует Русская революционная армия», «Да здравствует Учредительное Собрание» и «Да здравствует свободная Русская гимназия»...

Я бы не останавливался на описании этого праздника, если бы он не был исключительным и по грандиозности шествия, в коем участвовало более ста тысяч человек, и по тому настроению, которое тогда господствовало среди населения.

Мне, стоящему впереди на подмостках, отлично было видно каждое проходящее мимо лицо. Стоя на трибуне и вглядываясь в выражения лиц, я припомнил знаменитую картину Репина под названием «Семнадцатого октября». Лучше уловить выражения лиц, как то сделал Репин, великий художник земли Русской, невозможно.

Лица офицерского состава, конечно, были осмысленные, общее их выражение – восторженное. Проплывали лица прямо-таки с безумным от радости выражением, но попадались лица, нам не сочувствующие; среди них первое место принадлежало Тимченко. Отчетливо отчеканивая свои приемы шашкой, он браво прошел мимо трибуны, поедая глазами не нас, «революционеров», а полковника Карабана, стоявшего слева. Выражения солдатских лиц были тупые. Видно было, что больше всего они думали, как бы не сбиться с ноги. Особенно восторженно были настроены женщины и гимназисты. «По-молодецки» промаршировала мимо нас начальница Первой женской гимназии Пыжова. А ведь она принадлежала к хорошей дворянской фамилии, и ее братья, кажется, служили чуть ли не «в свите Его Величества».

О гимназистках и говорить нечего; это был какой-то истерический не крик, а визг, когда они отвечали на наши приветствия. Как жаль, что фотограф, снимая нас, не догадался снять с трибуны проходящие войска и организации, – тогда фотография была бы живая и живо отражала бы настроение масс. Подъем был большой, все было насыщено живой радостью. Как по заказу, в самом начале парада туманное утро уступило место горячим лучам мартовского солнца, и в воздухе впервые после скучной зимы запахло весной.

После парада, кончившегося около часу дня, бригадный и его помощник пришли к нам завтракать.

Темой разговора служила, конечно, революция.

Настроение у большинства было радостное и полное надежд на могучее будущее Российской республики. Однако уже в то время я начал разочаровываться, если не в самой революции, то в русском народе в целом. Среди радостных настроений этого дня нет-нет да пробегала холодная струйка грозного призрака кровавых расправ, казней и междоусобной войны.

Крестьяне и рабочие

Особенно тяжело было толковать с крестьянами на тему, как должны устраиваться сельские комитеты общественной безопасности и чем они должны руководствоваться в своих действиях. Крестьян приезжало из разных сел много. Многие из них люди толковые, но они никак не могли понять, что до созыва Учредительного собрания все должно остаться по-старому.

– А земля-то как же? – в большинстве своем спрашивали они.

– Я же вам говорю, что все законы, кроме основных, остались в силе, их изменить может только одно Учредительное собрание. Постановит оно отдать землю вам – отдадут, постановит не отдавать, а оставить за казной – не отдадут. Я лично думаю, что вся земля будет национализирована и каждый гражданин будет иметь право пользоваться ею на правах аренды на более или менее продолжительный срок. А пока руководствуйтесь заповедями Господними, и главными из них: не укради и не убий.

– Все это так... – сказал один из крестьян. – А вот пока мы будем дожидаться Учредительного собрания да решения им земельного вопроса, Василий Петрович Злоказов всю свою рощу вырубит. Как быть?

– Очень просто. Ведь Василий Петрович сам с топором в лес не ходит, небось вы же к нему и нанимаетесь на лесные работы. Вот и примите постановление, чтобы никто не смел его лес рубить – ни для него, ни для себя.

Я пытался вести разъяснительные беседы с крестьянами дальше:

– Царь отрекся от престола, министры арестованы. Но Бог-то разве арестован? Он остался свободным Вершителем судеб мира. Его наставлениями и заповедями и нужно руководствоваться в этот страшный момент.

На это один из выборных отвечал:

– Эх, гражданин председатель, не могу согласиться с вами. Вы говорите, что Бог остался на свободе. Нет, Он был раньше арестован, а вот теперь Он сделался свободным. Вот ныне к свободному Богу мы и прислушаемся. Пусть укажет, как жить нам, свободным гражданам... А исполнять то, что Он, сидя в тюрьме, через своих адвокатов нам диктовал, пожалуй, и не стоит.

– Прекрасно сказано, – ответил я. – Будьте, гражданин, так любезны вызвать меня, когда с вами Бог беседовать будет. Я боюсь, как бы вы роль адвоката на себя не приняли. Человек я практичный и буду слушаться старых, мне известных Божьих адвокатов. Поэтому буду управлять данными мне хотя бы и через адвокатов Законами Божьими.

Самому мне не удалось в первые дни революции побывать в деревнях, но, судя по сообщениям из сельских комитетов, в деревне в первые дни было вполне спокойно, царило радостное и сугубо вежливое настроение. Это замечалось и в городе среди горожан, и среди приезжающих на базары крестьян. Если, бывало, вас кто-либо толкнет, то сейчас же и извинится. Матерного слова в первые дни революции я не слышал. Деревня стала волноваться месяцами двумя позднее, когда в нее влился поток дезертиров.

* * *

Что касается рабочих, то я, сталкиваясь с ними, недоумевал и поражался их слабому развитию, их непониманию – в чем же, собственно, должна выражаться свобода. По их понятиям, рабочий считал себя свободным от всяких обязательств перед предпринимателем. Он думал, что может работать так, как желает, а хозяин не только обязан оплачивать его труд, но не смеет делать ему никаких замечаний. Усиленно работать, по-видимому, никто из них не хотел, а лишь требовал сокращения часов работы и прибавок.

О сумасбродном положении умов рабочих можно судить по одной хорошо засевшей в моей памяти сценке. Это было часов в семь вечера. Я только успел войти в прихожую Главного управления горных округов Урала, где в верхнем этаже помещалась наша комиссия, как был изумлен шумом и гамом бегущей сверху по чугунной лестнице большой толпы рабочих.

Вдруг кто-то из них воскликнул:

– Братцы, вот он, председатель-то, – и меня живо окружила вся эта шумящая и, видимо, раздраженная чем-то ватага.

– Вы будете председатель?

– Я. Что вам нужно, граждане?

– Да вот, – кричало несколько голосов, – нас обманывают провокаторы.

– В чем дело? Говорите кто-либо один, а то я ничего не понимаю.

– Да вот, гражданин председатель, какую, стало быть, к нам телеграмму из Петрограда прислали. По всему видно, что провокация. – И один из них подал мне телеграмму.

– Прежде всего скажите: кто вы такие?

– Мы?

– Ну да, вы.

– Мы рабочие железнодорожных мастерских.

Уже по многим делам я знал, что состав рабочих этих мастерских был более всех рас-пропагандирован, а стало быть, общая масса в смысле уровня развития должна была стоять выше рабочих других заводов.

Развернув телеграмму, я прочитал приблизительно следующее: «Приказываю всем железнодорожным служащим и рабочим, как-то: слесарям, плотникам, механикам (идет перечень разных специальностей), приступить немедленно к продуктивной работе. Рабочий день устанавливаю в десять часов. Всякое уклонение и нерадение буду преследовать со всей строгостью революционных законов. Подпись: министр путей сообщений *Некрасов*».

– Да что же вы здесь видите провокационного?

– Да как же не провокационная, коли ничего не сказано про столяров?

Прочитываю опять... Да, про столяров действительно ничего не сказано. Считаю слова, их оказывается на три меньше.

– Вот что, граждане, здесь по счету не хватает трех слов. Очевидно, телеграфисты ошиблись и их пропустили, что легко исправить. Пойдите на телеграф, и я уверен, что завтра вам принесут ответ, в котором будет стоять и слово «столяры». Да если и не будет стоять это слово, то мне ясно, что телеграмма относится ко всем рабочим вообще, не исключая и столяров.

Молчат, переминаются с ноги на ногу, видимо, недовольны моим разъяснением.

– Так-то оно так, а все-таки телеграмма провокационная.

– Что же тут вам не нравится? Что же здесь провокационного?

– Да как же, председатель, – наш же выбранный министр да против нас же идет? Как же это так?

– Что же, граждане, вы хотите – чтобы чужой министр вас подтягивал? Или думаете, что раз министр выбранный, так должен только по головке гладить? Я здесь ничего провокационного не вижу.

– А где же восьмичасовой рабочий день, что нам обещали? Кто же нам за два часа лишней работы заплатит?

– Вот это дело другое. Если вам платить не будут за сверхурочную работу, обратитесь к нам, и мы вашу жалобу поддержим.

– И на этом спасибо, гражданин председатель.

Разговаривая с «товарищами», я заметил среди них милиционера.

– Скажите, милиционер, – обратился я к нему, – вы-то как сюда попали?

– А тоже выбран к вам депутатом.

– А кто остался на вашем посту?

– Никого.

Я записал его фамилию и, распрощавшись с «товарищами», отправился к себе наверх. Работоспособность заводов с первых же дней революции стала сильно падать. Значительно возрастало хищение не только чугуна и железа, но и инструментов.

Особенно отставали от нормы работы по изготовлению топлива. Нетрудно было предсказать, что настанет момент, когда погаснут непрерывно действующие домны. Со дня на день нарастала в рабочих злоба на интеллигенцию и буржуазию. Злоба, впоследствии превратившаяся в ненависть...

Милиция и армия

Екатеринбург всегда поражал меня малочисленностью полиции, а вследствие этого – фактической беззащитностью граждан. Случись что на улице, вы никогда не найдете городского. Со временем я как-то сжился с этим положением: если городской уж очень понадобится, то всякий может застать его в участке.

С первого же дня и почти во все время существования Комитета общественной безопасности не проходило ни одного заседания, чтобы не выдвигался вопрос о милиции.

Надо отдать должное Кролю. Его стараниями наш Комитет в полной мере напоминал парламент. Кроль был большим знатоком парламентских обычаев. Это делало заседания интересными хотя бы по внешней форме. Обычно, огласив повестку дня, Кроль давал слово председателю Исполнительной комиссии. Почти всегда на сцену поднимался Кашеев. Его молодость, полная вера в победу революции, горящие вдохновенным огнем глаза и музыкальный голос всегда делали доклады интересными, и почти всегда срывали аплодисменты. Мне выступать приходилось редко, только в случаях отсутствия председателя. Моя буржуазная фигура с достаточно выпуклым животиком, хорошо сшитая визитка, чистый крахмальный воротник и хороший галстук так плохо гармонировали с общей массой, что я не пользовался фавором. Во мне видели «буржуя», и, чем больше углублялась революция, тем враждебнее становилось ко мне отношение «товарищей». Шумные аплодисменты я заслужил только раз.

Оппозиция справа (кадеты) подчеркивала бесплодность нашей работы, и кто-то из ораторов поставил вопрос:

– Скажите, что за эти три недели сделала Исполнительная комиссия?

Кашеев не нашелся, что ответить.

Я попросил слова:

– С оратором я совершенно согласен. Сделали мы действительно мало, и всю нашу деятельность можно охарактеризовать так: за три недели существования Комитета общественной безопасности и Исполнительной комиссии не случилось ни одного погрома и ни одного убийства.

Когда кончался доклад Исполнительной комиссии, начинались прения. Сперва предоставлялось слово трем ораторам, чтобы высказаться против доклада, а затем – такому же количеству желающих говорить в защиту. После этого уступалось время запросам. И не проходило ни одного заседания, чтобы не делался запрос о милиции. В большинстве случаев с таким запросом выступал И.С. Яковлев. Нравилась ли ему одобрительные возгласы и аплодисменты или действительно он, несмотря на свои пожилые годы и интеллигентность, все зло видел в полиции, но только каждый раз он задавал вопрос: «А почему на такой-то улице в форме милиционера стоит бывший городской?» В парламенте раздавался шум и крики порицания.

Сперва мы относились к этим вопросам с вниманием и отвечали, что нельзя же сразу подобрать весь кадровый состав милиции. Вскоре это начало меня раздражать, и я желчно просил сделавшего запрос прислать к нам с его рекомендательной карточкой лицо, достойное этой должности.

– Граждане, прошу помнить, что все, способные носить оружие, на фронте. Здесь же без дела шляются только подлые дезертиры, коих можно лишь судить, а не нанимать в милицию.

Плоха была полиция главным образом потому, что ей мало платили, чем толкали на взяточничество. Наскоро заменившая ее милиция была во много раз хуже. В милицию после выпуска из тюрем попало много уголовных преступников.

Правда, в первые недели существования Комитета общественной безопасности милиция держала себя прилично, но затем вновь началось взяточничество и даже грабежи.

Комиссаром милиции состоял инженер Лебединский, очень милый и неглупый человек. Начальником был избран капитан Захаров, добродушный толстяк. Работали они оба, не покладая рук, приходя в полное отчаяние от объема необходимого сделать. Да и что могли они, когда в самой милиции по образцу воинских частей образовался совдеп, созывались митинги, на которых выносились постановления и порицания начальству. И главным обвинением, конечно, выставлялась контрреволюционность.

Армия не только с каждым днем, но и с каждым часом разрушалась. Если ранее гражданина поражало огромное количество солдат, обучающихся на улицах строю, то теперь эта серая масса празднично шаталась по всем площадям. Куда ни пойдешь – всюду солдаты со своими семечками. Присутствие лужги от подсолнухов неразрывно связано с представлением о революции.

Значительно изменилась и внешняя форма солдат. Все они сняли с себя не только погоны. Почему-то, нося шинели в рукава, солдаты отстегивали на спине хлястик, очевидно, как символ свободы. Это придавало им безобразный и распущенный вид.

Со дня революции я не помню обучающихся на улице солдат. А что переносило от них наше бедное офицерство!

Выше я упоминал торжественное представление в Думе, сделанное 126-м полком во главе с полковником Богдановым. Богданов, казалось, должен был бы пользоваться особой любовью солдат из-за того, что первый признал власть Думы. Ничуть не бывало. Не прошло и недели, как к нам поступила коллективная жалоба солдат и офицеров этого полка на полковника, в коей указывалось на его контрреволюционность и выражалось требование о его немедленном удалении из полка. Мы рассмотрели эту жалобу в экстренном порядке. Пришедшие депутаты заявили, что если завтра полковника не уберут, то он будет убит. В этой жалобе указывалось, что полковник, собрав всех унтер-офицеров и фельдфебелей, обратился к ним со следующими словами:

– Кто нынче офицеры? Все это прапорщики-неудачники, на них я положиться не могу. Не могу положиться и на солдат. Какие это солдаты? Придут из деревни, ничего не понимают, а через три месяца их уже отправляют на фронт. Вот вы – дело другое. Вы – кадровый состав унтер-офицеров, и на вас одних я могу положиться. Потому слушайте, что я вам скажу: вот возводится здание, оно и просторно, и прекрасно, но вся беда в том, что крыши еще нет. Ну что будет хорошего, если мы с вами перейдем в него из наших скверных и грязных казарм? Нет, мы лучше запасемся терпением, поживем в тесноте, а там, когда дом будет готов, и отпразднуем новоселье.

Мне едва удалось уговорить комиссию не вмешиваться в дела военных. Я предлагал переслать это заявление бригадному командиру с предложением поставить нас в известность о его решении.

С моим предложением согласились, потребовав, чтобы заявление было передано бригадному немедленно, непосредственно мною и инженером Ипатьевым. Необходимо передать и заявление, что Исполнительная комиссия находит необходимым сегодня же удалить полковника от командования до окончательного производства следствия.

Пока мы обсуждали этот вопрос, наверху шло заседание парламента, на котором на этот раз председательствовал не Кроль, а прапорщик Бегишев.

Бригадный командир полковник Карабан был простым, открытым, честным и бесхитростным воином.

Сбитый с толку Приказом № 1 о неподчинении солдат офицерам и учитывая настроение солдат и то огромное значение, которое в первые дни революции играл Комитет общественной безопасности, полковник решил, что Комитет является его непосредственным начальством. Поэтому следует прислушиваться к его настроениям и нужно посещать его заседания. Решив

это, в тот же вечер он приехал в Комитет. Не зная порядков, не зная, что для публики есть особые места, Карабан послал к председателю свою карточку с просьбой войти.

Как ни либерально был настроен прапорщик Бегишев, а военная дисциплина все же в нем крепка. Вместо того, чтобы попросить бригадного пройти в места для публики, он пригласил его в заседание. Как только полковник уселся в депутатском кресле, поднялся очень серый солдат и обратился к председателю с вопросом, на каком основании сюда без разрешения собрания допущен бригадный... Солдатня в количестве до восьмидесяти человек подняла крик и шум. Полковник, совершенно сконфуженный и ошеломленный, встал и под дерзкие крики солдат удалился.

Я, сидя внизу, совершенно не знал об этом происшествии и, получив приказ отправиться к бригадному, подошел к телефону и соединился с Карабаном.

– Кто говорит? – спрашивает полковник.

– Из Комитета общественной безопасности.

– Я болен и не желаю разговаривать с Комитетом.

Я позвонил вновь.

– Полковник, с вами говорю я, Аничков.

– Ах, это вы, Владимир Петрович... Что от меня надо?

– Я прошу принять меня.

– Болен я, совсем болен. Уж слишком большие у вас невежи в Комитете.

Я настаивал на продолжении разговора, ничего не понимая. Наконец, добившись свидания с Карабаном, я отправился к нему вместе с Ипатьевым.

Мы застали полковника в припадке грудной жабы. Он еле дышал, и ему ставили холодные компрессы.

Пришлось сидеть у больного и ждать благополучного исхода. Слава Богу, боль начала стихать, и полковник попросил рассказать, в чем дело. Мне было страшно посвящать его в эту историю. Ну, думаю, начнет волноваться, случится второй припадок, и нам придется присутствовать при его агонии. Поэтому рассказ мой далеко не соответствовал правде. Но полковник вновь стал сильно волноваться, особенно когда я рассказывал о своем посещении Комитета.

– Успокойтесь, полковник, ведь вы сами виноваты.

– Я виноват? В чем?

– Забыли про меня. Надо было вам меня вызвать, и я посадил бы вас в места для публики, сел бы рядом, и под мои объяснения мы бы с вами вдоволь посмеялись над нашими парламентариями. Ведь все это дети революции. Правда, дети злые... Однако не вызвать ли нам для переговоров вашего помощника, полковника Мароховца?

Бригадный согласился. Начались переговоры и споры. Бригадный указывал на незаконность наших требований. Мы, роясь в военных законах, указывали, что бригадный имеет право и возможность временного отстранения полкового командира от его обязанностей даже без объяснения ему причины.

Решено было немедленно послать за полковником Богдановым. Но того не оказалось дома, и его начали разыскивать. Время было позднее, и мы ушли.

Не застав никого из членов Комиссии, которые разошлись, я поехал в клуб с целью провести время до прихода поезда из Петрограда, с которым должна была вернуться моя семья.

Часа в два ночи на мое имя в клуб доставили пакет от бригадного с официальным извещением о том, что полковник Богданов смещен с должности командира полка. Какая быстрота решения! Как сумели меня разыскать?

В три часа ночи на вокзале я встречал жену и детишек, вернувшихся из Петрограда. Как счастлив был я их видеть! Каким-то чудом они великолепно доехали до Екатеринбурга. Это был единственный поезд, дошедший в нормальных условиях. Следом шли поезда, переполненные солдатней, бегущей с фронта.

После полковника Богданова дошел черед и до полковника Тимченко.

Надо сказать, что Владимир Ильич, будучи человеком ограниченным, меня не понял и стал коситься на мой красный бант, который я и сам ненавидел. Но, занимая должность революционного министра маленькой Уральской республики, общей площадью превосходящей Бельгию и Голландию, вместе взятые, снять его я не мог. Многие этого не понимали, как не понимали моих отказов знакомым в их частных незаконных просьбах.

– Помилуйте, да ведь вы всеильны! Кто же, кроме вас, может мне помочь?

Когда поступила жалоба солдат на контрреволюционное настроение Тимченко, я счел своим долгом предупредить его, что ему грозит неприятность, такая же, как и полковнику Богданову. На это он сухо ответил, что он все это знает и дело его не касается Комитета общественной безопасности.

– Отставить меня вы не можете, как вы это фактически сделали с Богдановым.

– Как знаете... Я предупреждаю вас, что дело может кончиться не совсем хорошо для вас. На этом наши переговоры и прервались.

Я настоял в комиссии, чтобы дело без всякого рассмотрения с нашей стороны препроводили бригадному. Не прошло и недели, как Тимченко, увидав, что я возвратился к обеду домой, попросил разрешения прийти.

– Пожалуйста, Владимир Ильич. Сердечно буду рад.

Каким-то осунувшимся, жалким вошел он в мой кабинет.

– К сожалению, и ваши предостережения, и ваши предсказания сбылись как по писаному.

– Что именно?

– Да вот видите, мой адъютант, Серафим Серафимович Потадеев, которому я верил, как самому себе, оказался гнусным провокатором. Он уверил меня, что все офицерство на моей стороне, как и большинство солдат, и уговорил поставить вопрос о моем командовании полком на баллотировку полкового собрания.

– Ну и что же, – спрашиваю, – каков результат?

– Ни один мерзавец не поднял руку за меня. Я забаллотирован единогласно. Вы понимаете теперь мое положение? Что делать?

– Что? Конечно, подчиниться решению и выходить в отставку, благо у вас имеются средства.

– Вот то-то и есть, что ваши предсказания и тут сбылись. Вчера после этого собрания я проиграл не только все сто сорок четыре тысячи, но еще и задолжал около пятнадцати тысяч.

– Да что вы?

– Как я жалею, что не послушался вас! Я почти уверен, что проиграл их шулеру.

– Вы поймали его в чем-нибудь?

– Нет, но такого везения я не видал. Этот еврей в какой-нибудь час обчистил меня как липку.

– Послушайте, полковник, а вы не припоминаете, что, когда вы его обыгрывали, вас тоже считали шулером?

– Припоминаю... Надеюсь, что теперь-то меня в этом не подозревают?

– Что касается меня, то, конечно, нет. А за других, право, не ручаюсь.

Тимченко скоро, выйдя в отставку, уехал в Саратов и, как дошли слухи, покончил жизнь самоубийством.

Солдаты все более распускались. Ученья никакого не было. Если какому-нибудь командиру удавалось вывести роту на ученье, то, побыв в строю полчаса, она самовольно уходила в казармы. Начались призывы к братанью. Около памятника Александру II все время по вечерам шел непрерывный митинг. Митинговали и в театре.

Главная тема митингов: воевать ли с немцами или брататься? Но эта соблазнительная идея вначале имела мало успеха, и проповедники ее, большевики, иногда рисковали быть поби-

тыми. Зато что представлял из себя батальон солдат, отходящий на фронт! С солдатами приходилось возиться как с писаной торбой.

Приходилось собирать деньги по подписным листам, раздавать каждому солдату подарки, ехать провожать на вокзал, говорить речи. А храбрые вояки, разукрашенные в красный цвет, принимали все это как должное. Отъехав станцию-другую, три четверти роты дезертировало. Мало этого, перед отправлением они стали устраивать кружечные сборы. С кружками ходили сами солдаты, нагло предлагая гражданину пожертвовать «героям», уходящим на войну.

Тыл уже разрушен, но армия на фронте все еще стояла. Однажды утром, когда я вошел в свой кабинет в Исполнительной комиссии, я увидел там человек пять солдат с кружками. Все они громко ругались, требуя от Кашеева, чтобы он немедленно арестовал «эфтого нахала офицера».

В углу комнаты на стуле сидел какой-то офицер маленького роста в подполковничьих погонах, тогда как в тылу погоны уже отменили.

Едва я вошел, офицер вскочил на ноги, подбежал ко мне.

– Владимир Петрович, да вы-то как сюда попали?

Я узнал знакомого мне еще по Симбирску офицера Бажанова.

– Я? Я состою членом этой революционной организации, и даже товарищем председателя.

– Ну, воля ваша, теперь я совсем ничего не понимаю.

– Дав чем дело? Расскажите мне толком.

Полковник взволнованно и заикаясь стал объяснять, что только что прибыл поездом с Южного фронта.

– Извозчиков у вас совсем нет, иду пешком и вдруг встречаю солдат с красными бантами и кружками. Мне это показалось дико, и я остановил их, потребовав, чтобы они шли со мной к воинскому начальнику. Но вместо того они притащили меня сюда.

– Граждане солдаты, вы меня знаете?

– Как же не знать, знаем.

– Ну так вот, я свидетельствую перед вами, что этого офицера знал еще кадетом. Славный был юноша и остался славным и храбрым офицером. Никакой контрреволюции в его голове нет. Он приехал с войны, где армия еще цела, – в нее еще не успела проникнуть новая, высшая революционная дисциплина... Этот человек все равно что с Луны свалился. Вместо того чтобы его наказывать, мы здесь растолкуем ему наши порядки, а вы с Богом идите делать ваше дело.

– Да так-то оно так... Да только пусть вернет нам убытки. Ишь сколько времени мы с ним потеряли...

– Ну, Бог вернет, а чтобы не было обидно, получите от меня пятерку.

Последний аргумент в виде синенькой совсем наладил дело, и через десять минут Бажанов беседовал со мной и обучался «революционной дисциплине».

По его словам, вся Южная армия – а было это в начале апреля – еще крепка. Разговоры, конечно, идут, и солдат стал не тот, но такого безобразия, как у нас, он не видал.

После этого случая я виделся с Бажановым несколько раз при большевиках. Он не только не пошел в комиссары или в Красную армию, но сделался простым столяром и целый день работал, дабы прокормить себя и двух ребяток.

В последний раз я его встретил помощником командира полка, когда организовывалась Белая армия.

От дисциплины ровно ничего не осталось: еще в конце марта от разных полков начали поступать заявления, что в лагеря они уходить не собираются.

Я же настаивал на скорейшем уходе войск. Во-первых, гигиенические условия жизни в скученных казармах (войск в Екатеринбурге было около шестидесяти тысяч человек) были

чрезвычайно неблагоприятны. А, во-вторых, уж и нам, жителям города, хотелось отдохнуть от назойливого присутствия солдат. Много было по этому поводу и переписки, и переговоров, и, наконец, мне удалось настоять на своем.

Войска вывели в лагерь, но, пробыв там несколько дней, они вновь самочинно вернулись в город.

Знаменитый своим безобразием 126-й полк отправился в лагерь под Камышлов. Но, едва высадившись из поезда, вояки решили, что не дело солдату самому разбивать свои палатки.

– Наше дело воевать, а не работать.

И вернулись обратно.

С этого времени погрузка войск в вагоны пошла за деньги.

Вместо Богданова полковым командиром выбрали прапорщика Бегишева, а вместо Тимченко – простого солдата из унтер-офицеров.

Карабан вышел в отставку, и на его месте оказался полковник Мароховец.

Этот офицер точно усвоил «революционную дисциплину»: прежде чем отдавать приказания, собирал митинг и в точности исполнял то, что постановило большинство.

Не могу умолчать о новой затее Керенского – о создании женских батальонов и полков. Смешно было видеть вчерашнюю барышню или кухарку в солдатской шинели. Особенно смешна была фигура у толстых баб-солдат с их большим бюстом.

Носили они обыкновенную солдатскую форму, но вместо грубых сапог надевали женские туфли и кокетливо заворачивали ножку в тонкие обмотки, так чтобы между краями обмоток кое-где проглядывало голое тело.

Мароховец говорил мне, что единственная дисциплинированная часть – это женский батальон. Что-то плохо верилось в это.

О движении по железным дорогам я уже говорил. Ездить на поезде не было никакой возможности. Бегущая с фронта солдатня переполняла вагоны и громила все, что попадало под руку. В вагонах разбивались стекла окон, со скамеек сдиралось сукно. Громились станции, поэтому буфетчики ничего не приготавливали к приходу поезда, а, наоборот, все убирали. Если путь был занят и поезд долго задерживался, солдаты под угрозой расстрела заставляли машиниста без разрешения начальника станции отправляться в путь, что вызывало крушения. Поезда так переполнялись, что много солдат ехало на крышах вагонов.

Немало забот и труда было положено нами для упорядочения движения, но добиться каких-либо результатов не было возможности. Приходилось пережидать, пока не пройдет волна дезертиров.

Чтобы еще ярче описать солдатское безобразие, забегу месяца на три вперед, когда власть перешла от Комитета общественной безопасности к Совету солдатских и рабочих депутатов. Это событие произошло в июле или августе.

Рота солдат, следовавшая маршрутным порядком из Ачинска на фронт, решила, что если она опоздает на фронт на неделю-другую, то все равно успеет заключить с немцами сепаратный мир «без аннексий и контрибуций». А пока что нужно взять на себя миссию «углубления революции» в попутных городах. Благо там живут такие дураки, которые не понимают, что необходимо делать и каким способом нужно вводить «углубление революции». И вот в один прекрасный день на улицах Екатеринбурга появилось это храброе воинство, до такой степени разукрашенное в красные лоскутья, что издали напоминало скорее бабий хоровод из прежнего доброго времени, чем роту солдат. Солдаты эти шли вперед не в стройных колоннах или шеренгах, а гурьбой. Нет, «революционная дисциплина», очевидно, требовала и здесь новых форм, нового, небывалого построения. Поэтому эта красная рота, взявшись за руки и образовав большой круг, катилась колесом по земле, причем каждому солдату приходилось идти то левым боком, то пятиться назад. Таким порядком докатилась она до совдепа, откуда вышла депутация приветствовать «героев». И вместо того, чтобы привести их в порядок, или аресто-

вать, – или, наконец, просто высечь, как секут малых детишек за шалости, – представители совдепа вызвали духовой оркестр, которому и поручено было сопровождать роту в ее торжественном продвижении по городу.

Завидев это милое воинство, в городе поднялась паника. Все магазины, банки и частные квартиры закрыли свои обычно гостеприимные двери, опасаясь погрома. Но, слава Богу, до этого не дошло. Все внимание роты было направлено на уничтожение главной язвы народной, главной эмблемы контрреволюции – памятников императорам и изображений Российского герба на вывесках и в общественных зданиях.

Однако все, что не требовало особого напряжения сил, уже было разрушено местными «патриотами революции». Ачинцам оставались такие сооружения, на разрушение которых требовалась затрата и времени, и труда. Можно было проявить свое усердие в деле разрушения портретов русских писателей (царских к тому времени уже не было), чем они и занялись и в Горном музее, и в реальном училище. Не пощадили портретов ни Пушкина, ни Гоголя, ни Достоевского.

Забрались они и в Государственный банк, но двери кладовых были заперты, и выемки кредитных денег им сделать не удалось. Кстати, изображения царских портретов на кредитных билетах их не возмущали. Если такие кредитки и попадались, то тщательно прятались в карманы.

Как я был бы счастлив, если бы кто-либо из состава этой роты когда-нибудь под старость лет прочел эти строки, дабы почувствовать, каким он был дураком, и стыд за содеянную глупость в деле уничтожения портретов наших писателей залил бы его лицо.

* * *

На одном из заседаний Комитета был сделан запрос:

– Почему Комитет заставляет нас заседать в зале, где до сих пор уцелела вывеска «Императорское Музыкальное Училище»?

– Позвольте узнать, где вы усматриваете такую вывеску? Я вижу только три большие буквы «И.М.У».

– Ну да это же и есть «Императорское Музыкальное Училище».

– Нет, гражданин, вы жестоко ошибаетесь. Со дня революции эти буквы гласят: «Интернациональное Музыкальное Училище». Надеюсь, вы довольны моими разъяснениями?

Поднялся хохот, и депутат сконфуженно замолк.

Можно ли было в таких условиях продолжать войну?

* * *

Почта тоже находилась в ужасном состоянии. Надо сказать правду, что требования чиновников об увеличении штата и прибавках к зарплате были вполне справедливыми. Средств у нас не было, а потому на помощь почте были приглашены добровольцы без оплаты их трудов. Также и мы, занимавшие выборные должности, не получали ни копейки.

Откликнулась и учащаяся молодежь, оказав большую помощь в деле сортировки и разности писем.

* * *

Один только суд остался совершенно не тронутым. По крайней мере, в Екатеринбурге первые две – а может, и больше, – недели окружной суд выносил постановления от имени Императора, ожидая по этому поводу сенатских указаний.

* * *

А центр бездействовал. Бездействовал настолько, что даже не отвечал на телеграфные запросы. Видно было, что там разруха еще больше, чем у нас. В Комитете общественной безопасности ожидали, что в самом непродолжительном времени пришлют новых губернаторов, назначенных Государственной думой из числа ее членов. Но, увы, этого сделано не было.

Все лица, ввергшие и Думу, а следом за ней и всю страну в революцию, оказались далеко не государственными людьми. В сущности, именно им мы больше, чем Керенскому, Ленину и Троцкому, обязаны революцией.

Реформа правописания

Учащаяся молодежь, конечно, сильно реагировала на происходящие события. В школьном деле следует, прежде всего, отметить введение профессором Мануйловым упрощенного правописания. Им были изгнаны из русского алфавита буквы: ять, фита, ижица, твердый знак и «І» с точкой. Я не филолог, а потому мое мнение не может быть компетентным. Однако, памятуя, как тяжело давалось мне правописание, я охотно приветствовал всякое облегчение правил. Все же мне думается, что и здесь переборщили. Можно было оставить твердый знак в середине слов, да и букву «Ъ» в некоторых корнях, где она делает различие в самом смысле слова. Например: «осёл мёл» или «осёл мКл». Как читать после реформы эти совершенно разные по понятию фразы?

Говорят, профессор Мануйлов давно настаивал на проведении реформы правописания, но Академия наук ее отвергла. Пройди она раньше, до революции, она была бы принята с большой радостью почти всем населением России, но ныне она внесла большой разлад и в школу, и в жизнь. Буквы «Ъ» и «ь» стали служить признаком политических воззрений. Революционеры против них ополчились, и буквы эти не писали. Реакционеры, наоборот, усиленно писали и «Ъ», и букву «ь» даже в тех случаях, когда наша грамматика не требовала их присутствия. Это различие в правописании внесло большую страстность в общество, а при коммунистах письма, написанные по старой орфографии, не достигали адресата. Иногда писавшего по старой орфографии привлекали к суду революционного трибунала за контрреволюционность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.